

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

К. В. ХВОСТОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ*

Задача статьи состоит в изучении границ применения неклассической научной парадигмы в исторических исследованиях. Роль названной парадигмы выражается в применении математических методов при анализе пространственно-временных исторических тенденций. Специфические черты историописания – результат внимания, придаваемого единичным событиям.

Ключевые слова: неклассическая научная парадигма, математические методы, единичные события, единичная каузальность

Основу современного научного познания (естественнонаучного, экономического, частично социологического) составляет неклассическая научная парадигма. В соответствии с ней в центре исследовательского внимания находятся проблемы изменения во времени и пространстве сложных нелинейных динамических систем, именуемого «динамический хаос»¹. Иными словами, считается, что сложная система представляет собой взаимосвязь многих пространственно-временных вероятностных тенденций. Изменение подобных систем происходит в результате т.н. «малых, локальных возмущений», или локальных флуктуаций, возникающих в области слабой детерминированности системы. В первую очередь изменение претерпевает один элемент или подсистема, которые обозначаются «параметр порядка». Затем изменение в результате синергии и самоорганизации распространяется на всю систему². Основатель синергетики бельгийский ученый, нобелевский лауреат И. Пригожин проводит параллель между современной физикой с ее интересом к временным изменениям систем и нарративными науками, в частности, с историей, в центре внимания которой находятся проблемы длительности и временных перемен³. При этом он ссылается на концепции лидеров школы Анналов Ф. Броделя и М. Блока⁴. Однако полагаю, что заслуги названных ученых преувеличены. Представления о длительности в истории как совокупности изменчивых ситуаций, восходящее в европейской традиции к идеям Аристотеля о связи прошедшего, настоящего и будущего, отличает взгляды многих

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект №16-03-00281.

¹ Майнцер 2010. С. 86.

² Там же. С. 88. Кирьянов, Радзиховская 2014. С. 127, 128.

³ Пригожин 1989. С. 3-5; Пригожин 1991. С. 51.

⁴ Пригожин 1989. С. 5-6.

теоретиков. Подобные представления о преемственности времен характерны для Гегеля, Маркса, Шпенглера, Ясперса, Тойнби, Леви-Стросса, Вебера и многих других мыслителей. Выдающийся отечественный историк М.А. Барг посвятил свой известный труд «Эпохи и идеи» изучению становления европейского историзма, т.е. сложного сочетания преемственности и изменений в развитии исторической мысли, истоки которого исследователь обнаружил еще в античности⁵.

В современной эпистемологии и методологии истории существует мнение, согласно которому идеи синергетики значимы для общественных наук и особенно для истории⁶. Но распространена и противоположная точка зрения, выразители которой полагают, что синергетика неприменима для историописания⁷. Примечательно, что сторонники разных оценок значимости синергетики для изучения истории не приводят для обоснования своих взглядов подробной аргументации и конкретных проявлений исторических процессов, реконструируемых на основе исторических источников.

Автор данной статьи полагает, что проблема значимости и границ современной, основанной на синергетике научной парадигмы для изучения прошлого, заслуживает специального детального рассмотрения с привлечением материала исторических источников и их анализа под соответствующим углом зрения. Соответственно, в данной статье делается попытка определения значимости и пределов применения названной парадигмы для характеристики исторического развития прошлого.

Специфика методологии историописания особенно ярко проявляется при изучении отдаленного исторического прошлого, отличительная черта которого – слабые социальные коммуникации и плохая сохранность дошедших до нас памятников. При изучении новой и новейшей истории существует больше сходства с эпистемологией, методологией и в целом с научной стратегией, отличающимися социологию, политологию и экономическую науку.

Понятие отдаленного прошлого – условно, в первую очередь мы понимаем под этим понятием эпоху европейского средневековья, от которой (в отличие от античности) сохранились некоторые сведения, которые с оговорками можно рассматривать как «массовый» материал, позволяющий строить предположения о пространственно-временных тенденциях. При рассмотрении данной проблематики осуществляется иллюстрация полученных выводов на конкретном материале, относящемся к истории Византии, который составляет предмет собственных исследований автора статьи. Однако многие нижеследующие обобщения, полагаю, действительны для исторической науки в целом.

⁵ Барг 1967. С. 32.

⁶ Нехамкин 2015. С. 151.

⁷ Пелипенко 2008. С. 80; Гобозов 2015. С. 72.

В рамках названной парадигмы, как отмечалось, при изучении динамических систем акцентируется связь детерминизма с вероятностно-статистическими изменениями. При этом, как подчеркивает один из теоретиков синергетики К. Майнцер, единичные индивидуальные события, равно как и единичные каузальности, не являются предметом изучения при рассмотрении системы в период ее стабильного состояния. Только при характеристике периодов дестабилизации системы в сферу исследовательского интереса попадают отдельные события, вызвавшие соответствующую динамику⁸.

Трудно не заметить существенное различие предмета исследования, методики и в целом исследовательской стратегии, с одной стороны, естественных и экономических наук, находящихся в центре внимания современных аналитиков, а с другой – исторической науки. Каждому историку известна та роль, которая в рамках историописания придается единичным, индивидуальным событиям и их казуальным связям при изучении не только периодов общественных изменений, но и отличавшихся особым отношением стабильными состояниями. При этом, историк всегда особое внимание уделяет деятельности, мотивам и интересам исторических агентов. В этой связи уместно сослаться на высказывание М. Хайдеггера, рассматривавшего событие как сущность исторического бытия⁹. Хаос как предмет исторического анализа своей множественной качественно-событийной формой отличается от того вероятностно-статистического разнообразия, которое подразумевается под техническим обозначением синергетики «динамический хаос».

Сказанное, однако, не следует абсолютизировать в том смысле, будто вероятностно-статистические методики совсем неприменимы при изучении изменений, претерпеваемых тенденциями в отдаленном прошлом. Действительно, названные методики используются при изучении социально-экономической истории прошлого при условии наличия в источниках соответствующей информации. Это обстоятельство, безусловно, говорит об определенной значимости для историописания идей современной неклассической парадигмы. Однако применение таких методик при изучении отдаленных эпох отличается спецификой, обусловленной характером имеющейся информации. Дело в том, что сведения, содержащиеся в исторических источниках (особенно средневековых и раннего Нового времени), далеко не всегда отличаются той однородностью, которая является непременным условием применения статистических методов. Известно, например, что в Средние века в отдельных регионах Европы и даже в отдельных поселениях и вотчинах в пределах одного государства меры земельной площади и размеры

⁸ Майнцер 2010. С. 87, 90; Пригожин 1959. С. 11.

⁹ Хайдеггер 2006. С. 164.

уплачивавшихся крестьянами податей сильно различались. Отсутствовали единые обязательные критерии применения названных характеристик. Причем такая неоднородность данных сочетается с известным фактом недостаточности и неполноты имеющихся в распоряжении исследователя сведений.

Полагаю, что в подобных исследовательских ситуациях при обработке имеющейся в источниках количественной информации целесообразно образовывать малые совокупности, включающие заведомо однородный материал источников. При этом специфика подхода состоит в том, что каждая малая совокупность соответствующих данных в рамках подобных исследований трактуется не как малая выборка из некоторой, хотя и неизвестной, но предполагаемой генеральной совокупности, а как самостоятельная совокупность, отражающая положение вещей в отдельных вотчинах, поселениях и других ограниченных пространственно-временных диапазонах.

В таких ситуациях возникает вопрос относительно того, имеем ли мы дело с абсолютно уникальными явлениями или же, при всем своем разнообразии, они обладали общими чертами, так как являлись локальным вариантом некоторых региональных тенденций. В связи с отсутствием прямых данных исследователь вынужден обращаться к косвенным. Например, соответствующую информацию в известных исследовательских ситуациях можно получить на основе анализа законодательных памятников. Названную процедуру проиллюстрируем на материале, относящемся к имущественному расслоению поземельно-зависимых крестьян Византии XIII–XIV вв., сведения о котором содержатся в поземельно-налоговых описях отдельных поселений с зависимыми держателями, принадлежавших крупным монастырям. На данном материале были рассчитаны коэффициенты корреляции и регрессии, характеризующие зависимость податей, уплачиваемых крестьянами отдельных поселений, от размеров их земельных держаний.

Для оценки значимости показателей, вычисленных на материале малых совокупностей, для функционирования хронотопа, включавшего наряду с данными и другие совокупности со сходными экономическими характеристиками, сведения о которых не сохранились, обратимся к 162 новелле Юстиниана, применявшейся и в поздней Византии. Согласно этой новелле, признаком нормального имущественного благосостояния крестьян являлось наличие у них земельного надела такой величины, какую крестьянская семья могла обработать собственными силами. Иными словами, подобная ситуация может быть интерпретирована как наличие необходимых и оптимальных условий для длительного поступательного развития соответствующего экономического уклада. С помощью дифференцированных уравнений был разработан механизм сравнения показателей, относящихся к отдельным поселени-

ям, составляющим малые совокупности, с оптимальными условиями развития, зафиксированных в законодательном памятнике¹⁰.

Полагаю, что для получения знания об общей тенденции, характеризующей изучаемые отношения в пределах хронотопа, превосходящего по своим параметрам эмпирически изученные малые совокупности, в отдельных исследовательских ситуациях возможно применение статистического приема выравнивания эмпирического ряда. В результате этой процедуры можно на основе сведений о малых совокупностях получить значения соответствующих характеристик пространственно-временной тенденции в пределах, превосходящих те, которые присущи этим совокупностям. Следует добавить, что дифференцированные уравнения применимы в исторических исследованиях не только при анализе количественной, но и качественной информации. Подобная практика, осуществляемая в социологии, экономической науке и истории была обобщена уже в 1960-е гг.¹¹ Распространенность таких исследований говорит о роли в истории методологических стратегий, рекомендуемых в рамках неклассической научной парадигмы.

Однако нам представляется, что по отношению к историописанию приведенные выводы нуждаются в дополнении. А именно, следует специально подчеркнуть, что обязательным условием эффективного применения дифференциальных уравнений не только при изучении отдаленного прошлого, но и в исторической науке в целом, является аргументированное предположение о непрерывном характере развития рассматриваемых тенденций в рамках интересующего исследователя пространственно-временного диапазона. В приведенном выше примере, относящемся к византийским зависимым крестьянам, аргументированное суждение о непрерывности интересующих исследователя отношений в фиксированном пространственно-временном диапазоне имеет в своем основании известный в науке факт применения законодательства Юстиниана в поздней Византии.

Однако очевидно, что по отношению к информации отдаленного прошлого, а иногда и более поздних периодов, выполнимость подобного условия во многих исследовательских ситуациях проблематична. Действительно, свойственные отдаленным эпохам слабые социальные коммуникации, недостаточность у историка источниковедческой базы делают возможным предположение о том, что плавное непрерывное развитие некоторой тенденции, наблюдаемое в рамках определенного хронотопа, было нарушено при переходе процесса в сферу более широкого пространственно-временного диапазона. Это означает, что в некоторой пространственно-временной точке развитие перешло в свою но-

¹⁰ Хвостова 2008. С. 114-123.

¹¹ Boudon 1968. P. 22; Novak 1960. P. 25.

вую стадию. При этом, дефекты исторической информации часто затрудняют обнаружение стадиальности процессов и нахождения граней перехода из одного состояния в другое. Эти факторы, очевидно, во многом отличают исследовательскую ситуацию в историописании от таковых в экономической науке и социологии, изучающих современность или недалекое прошлое. Соответственно, в истории меньшую роль играют идеи современной синергетики о фазах развития тенденций и “бифуркации”, как форме перехода от одной фазы в другую.

Сказанное означает, что в работе с историческими источниками следует с особым вниманием относиться к предостережениям теоретиков современной неклассической парадигмы относительно необходимости обнаружения «начальных условий», свидетельствующих о возникновении новых фаз в развитии процесса¹². Эти предостережения очень важны, так как отражают ограничения, возникающие при прогнозах и ретропрогнозах в отношении процессов отдаленного прошлого. Но, по всей видимости, некоторые современные теоретики макро-моделирования глобальных исторических процессов, т.е. сторонники применения математических методов при изучении культур, эпох, государств, цивилизаций, эти предостережения недооценивают.

Далее, в рамках современных представлений о неклассической парадигме с ее синергетическими идеями динамического хаоса особое значение придается проблеме локальных возмущений; претерпеваемых «параметром порядка», т.е. одной подсистемой или элементом¹³. Такие изменения в итоге приводят к трансформации всей системы. Действительно, в историческом развитии отдельные факты, события, ситуации играют важную роль. Однако возникает вопрос: можно ли квалифицировать эти сложные социальные факторы, вызывающие изменения динамических систем – государств, культур, цивилизаций – и составляющие предмет изучения историка, интерпретирующего качественное разнообразие происходившего, как результат «локальных возмущений»? Такое определение представляется по меньшей мере упрощенным. Помимо этого, исторический подход, при всех выявляемых историком переменах, предполагает констатацию факта сохранения на протяжении столетий неизменными таких социальных факторов, как язык, религия, ментальность, традиции. Слова и вещи, кроме того, не всегда подчиняются закону соответствия, иногда слова живут собственной жизнью, образуя лингвистические традиции¹⁴.

Обращаясь вновь к примеру византийской культуры, государственности и цивилизации, отметим огромную роль взаимосвязи хри-

¹² Майнцер 2010. С. 86.

¹³ Кирьянов, Радзиховская 2013. С. 129.

¹⁴ Philips 1970. P. 132.

стианства и античных представлений в их развитии. Эта характерная особенность сохранялась на протяжении все сложной богатой событиями византийской истории. Процесс завоевания христианством лидирующих позиций растянулся на многие столетия и отличался сложностью неповторимых событий. В исторических исследованиях христианизация рассматривается не как результат «малых локальных возмущений», а как разворачивание нового качества, характеризующееся цепью событий, каждое из которых представляет исследовательский интерес и имеет свою предысторию.

Сложность исторических изменений допускает, как известно, неоднозначность их понимания. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые факты византийской политической истории. Обратимся к такому судьбоносному фактору, как взятие в 1204 г. Константинополя крестоносцами. Это событие, с одной стороны, явилось следствием политического и военного ослабления Византии, происходившего на протяжении длительного времени. Вряд ли его целесообразно рассматривать как локальное и к тому же малое «возмущение», вызванное случайными малозначащими факторами. Во всяком случае, никто из историков этого не делает. Историки полагают, что это «возмущение» было немалым. Но, с другой стороны, именно это, с точки зрения историка крупное, событие явилось непосредственной причиной временного прекращения существования империи как единого политического образования. Византийский историк Никифор Григора писал, что завоевание Константинополя привело к распаду империи на ряд самостоятельных частей¹⁵. Возникли Никейская, Трапезундская империи, Эпирское царство. Однако, несмотря на то, что падение Константинополя явилось непосредственной причиной распада империи, известен тот факт, что это событие не привело к полному разрушению византийской политической и социальной структуры, а также культуры, продолжавших существовать в рамках новых государственных образований. Существенно также то, что после восстановления Византийской империи в 1261 г. ее государственно-бюрократическая организация, социальные отношения и культура продолжали развиваться в прежнем русле.

Завоевание Константинополя турками в 1453 г. и последующие завоевания других частей империи, положившие конец существованию Византийской империи, также оцениваются в исторической литературе как закономерный итог многих внутренних и внешних факторов¹⁶. Исследователи отмечают роль факторов, отражавших постепенный упадок империи. Большое значение имел экономический спад. Турки издавна проникали на территорию Византии так же, как это делали в свое

¹⁵ Nicephori Gregorae 1835, I. P. 13-14.

¹⁶ Удальцова 1967. С. 207-218.

время готы по отношению к Италии. В Византии было распространено туркофильство. Турецкому завоеванию предшествовали неудачные попытки заключения унии с Западом. Политическая жизнь империи отличалась нестабильностью, частыми дворцовыми переворотами.

Завоевание Константинополя – крупнейшее событие мировой истории, однако, само по себе не означало конец византийской культуры и цивилизации. Их центром стала Мистра – столица Мореи, позднее завоеванной турками. Очевидно именно в Мистре византийская культура, прежде всего философия, достигла вершины своего развития в творчестве Георгия Гемиста Плифона. Византийская культура и после падения империи сохранила, как известно, свою значимость для развития многих регионов, а также свою роль во всемирной истории.

Иными словами, подход историка к изучению прошлого обнаруживает научную стратегию, подразумевающую акцентирование сложного исторического качественно-содержательного разнообразия, несводимого к обнаружению тенденций и «малых локальных возмущений». Качественное разнообразие истории всегда связано с деятельностью исторических агентов, их мотивами и интересами. Историк не сводит изучаемые им обратные зависимости к процессам самоорганизации. Многие подобные проявления – результат целенаправленной деятельности исторических агентов.

Пристальное внимание исторической науки к деталям, к исследованиям на микроуровне всегда являлось и является сегодня ее неотъемлемой чертой. Именно эта особенность историописания повлияла на историко-философские представления постмодернистов, акцентирующих в произведениях классических философов не основные идеи авторов, а высказывания, которые ранее рассматривались как второстепенные¹⁷. Опыт постмодернистов, относящихся к исследованиям на микроуровне как приоритетным, придает стратегии историописания общенаучную значимость.

Однако если идея «малых локальных возмущений» не представляется плодотворной в историописании прошлого, то идея стохастических, т.е. статистических тенденций и их изменений, акцентируемая в современной неклассической научной парадигме, значима не только для изучения социально-экономической истории отдаленного прошлого, но и для характеристики некоторых проявлений культуры и ментальности отдаленных эпох. Сказанное вновь проиллюстрируем на примере византийской истории.

Влияние античных идей испытывала в Византии не только восточная христианская догматика, оно было характерно и для исторических сочинений и официальных документов. Византийской культуре и

¹⁷ Дьяков 2016. С. 180.

ментальности было свойственно античное представление о круговороте общественных ситуаций во времени. Эпохи стабильности и нестабильности, по мнению византийцев, чередовались во времени, а миссия императора заключалась в восстановлении стабильности. Считалось, что повтор ситуации обуславливает возможности их относительного предвидения социальными агентами, что обозначалось с помощью глагола *стохадзомай* – предполагаю, догадываюсь. Меры, принимаемые императором, способствовали возвращению дестабилизированной ситуации в стадию плавного равномерного развития. Выбор тех или иных мер уподоблялся результату бросания игральной кости¹⁸. Известно, что А. Эйнштейн в письме к М. Борну писал, имея в виду современные представления о вероятностно-стохастических процессах: «Ты веришь в играющего в кости бога»¹⁹.

Приведенные сведения позволяют высказать мнение о том, что византийцам на уровне здравого смысла и ориентации в повседневности было присуще упрощенное представление о вероятностно-стохастических процессах в обществе. Но не являются ли сделанные выводы неоправданной модернизацией прошлого? Полагаю, что эти соображения относительно византийской ментальности правомерны, так как они являются аргументом в системе эпистемологического и методологического обоснования и оправдания применения при постижении прошлого статистических методов и дифференциальных уравнений, т.е. инструментария, присущего методике изучения стохастических процессов в рамках современной неклассической парадигмы.

Возвращаясь к проблеме формальных особенностей исторического познания, специфики эпистемологии и методологии истории, отличающих историописание от естественных наук, экономического знания, а также частично от политологии и социологии, отметим особую роль индукции в исторических исследованиях. В современной философии познания и естественнонаучном знании индукция не рассматривается как метод, с помощью которого могут быть сформулированы общие законы в той или иной отрасли знания. Законы формулируются на теоретическом уровне научного исследования как результат научной интуиции²⁰, основанной на аргументированном предположении о стабильности, т.е. закономерной повторяемости в значительном пространственно-временном диапазоне выявленных с помощью индукции на конкретном и ограниченном материале особенностей воспроизводства явления во времени. Исследовательская ситуация в историописании выглядит иначе. Историк изучает явления всегда в фиксированном пространственно-временном диапазоне. Например, «Социальное разви-

¹⁸ Хвостова 2008. С. 86.

¹⁹ Борн 1963. С. 376.

²⁰ Поппер 1983. С. 62, 27, 288.

тие Византии в XIII–XIV вв.», «Внешняя политика Византии в X в.» В рамках выбранного диапазона индукция, которая, полагаю, может быть обозначена как «интервальная индукция», является основным методом, с помощью которого формулируется характер функционирования изучаемых тенденций в заданных пределах.

Итак, исследовательская ситуация в историческом знании не дает оснований для утверждения о первостепенной значимости «малых локальных возмущений» при изучении глобальных исторических систем. Она отражает историческую роль индивидуальных каузальных связей, образующих тенденции, которые изучаются с помощью интервальной индукции. Обращение в рамках неклассической парадигмы к вероятностно-статистическим методам значимо при изучении стохастических тенденций прошлого, осуществляемое как с помощью статистических методов, так и дифференциальных уравнений, а также содержательных методик выявления длительности и непрерывности процессов.

Основными содержательными понятиями, лежащими в основе историописания, являются понятия времени и пространства. Соответственно, для постижения функционирования различных исторических пространственно-временных диапазонов всегда значимы понятия культуры и цивилизации. Существует, как известно, множество определений этих двух основополагающих понятий изучения макроисторических процессов как отдаленного, так и более близкого прошлого, а также современного развития. Культуру, на наш взгляд, целесообразно рассматривать как трансляцию на протяжении веков из поколения в поколение духовного и интеллектуального опыта человечества в рамках определенного пространственно-временного диапазона. Можно согласиться с определением цивилизации, данным В.Ж. Келле и обобщающим опыт многих дефиниций, приведенных другими учеными. Цивилизация – понятие более широкое, чем культура. Оно означает социокультурное образование и его способ воспроизводства во времени и пространстве²¹. Нам представляется целесообразным расширить это понятие, включив в него природно-географический фактор.

Однако в таком обобщенном виде понятия культуры и цивилизации мало значимы при анализе конкретного материала. Для этого данные понятия слишком общи и нуждаются в уточнении, т.е. необходима процедура гипостазирования и реификации²². Она заключается в сопоставлении общих понятий с данными конкретных источников. В результате этих действий понятия приобретают инструменталистскую значимость. При изучении цивилизаций в историческом прошлом эти процедуры в своем первом приближении детализируют понятие.

²¹ Келле 2000. С. 14.

²² Микешина 2010. С. 46.

Нецелесообразно сводить понятие цивилизации к набору признаков, как это иногда делается. Рациональнее определить его как совокупность сложных динамических функциональных и корреляционных связей между социальными, экономическими, политико-правовыми, ценностно-культурологическими, религиозно-ментальными факторами, образующими тенденции, традиции, отношения, сохраняющие определенную стабильность в значительном пространственно-временном диапазоне. Подобные связи, воплощаясь в реальных социальных институтах, и отношениях, определяют мировоззрение, самосознание социума и этносов, реализуются в конкретных социальных действиях.

Длительность этих связей определяется для каждой цивилизации с учетом исторической конкретики, развития информационных процессов в обществе, социальных коммуникаций, специфики воспроизводства цивилизационных параметров во времени, особенностей развития, характеризующихся сочетанием цивилизационных факторов и событийной истории. Изменение функциональных и корреляционных связей, составляющих цивилизацию, или перераспределение ролей этих связей отражают темпы и характер развития цивилизации, их временные фазы, а также варианты их взаимодействия с событийными факторами и деятельностью людей²³. Дальнейшее уточнение понятия «цивилизация» предполагает выявление индивидуальных признаков, характеризующих отдельные пространственно-временные диапазоны. Примером подобных действий являются приведенные выше уточнения византийской культуры и ментальности путем акцентирования в них античного влияния. Последняя стадия уточнения выполняет одновременно и объяснительную функцию.

Известный отечественный логик В.К. Финн характеризует процедуру уточнения понятий в терминах современной логики. Расплывчатые общие понятия он называет идеями, которые в результате уточнения превращаются в понятия. Уточнение осуществляется путем углубленного исследования тех данных, которыми оперирует исследователь, и предполагает проведение ряда исследовательских процедур. В итоге, при прежнем экстенсionale, то есть объеме, инсенционал понятия, то есть его содержание расширяется. Полученный результат Финн определяет как неаристотелевское строение процедурных понятий, в которых, в отличие от аристотелевских, содержание и объем не находятся в обратной зависимости²⁴.

На основании вышеизложенного можно заключить, что современное историческое знание с точки зрения современной эпистемологии и методологии в терминах присущих им понятий правомерно охарактер-

²³ Хвостова 2016. С. 81.

²⁴ Финн 2015. С. 28.

ризовать как комплексное синтетическое исследование. Его стратегия сочетает присущие истории методы историзма, детализма, то есть изучения фактов и единичных событий и каузальностей с анализом стохастических процессов с помощью вероятностно-стохастических методов и дифференциальных уравнений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барг М.А.* Эпохи и идеи. М., 1987.
- Борн М.* Физика моего поколения. М., 1963.
- Гобозов И.А.* Историческая наука и реконструкция исторического прошлого // Проблемы исторического познания. Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2015.
- Дьяков А.В.* Постмодернистская история философии: pro et contra // Вопросы философии. 2016. № 6.
- Келле В.Ж.* Культура в системе цивилизационных процессов // Сравнительное изучение цивилизаций мира. Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2000.
- Кирьянов А.П., Радзиховская В.К.* Причинность и случайность альтернативы в сложной системе // Проблемы исторического познания. Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2014.
- Майнцер К.* Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Вопросы философии. 2010. № 10.
- Микешина Л.А.* Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // Вопросы философии. 2010. № 12.
- Нехамкин В.А.* Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы // Проблемы исторического познания. Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2015.
- Пелипенко А.А.* К проблеме межсистемных переходов в культуре. М., 2000.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Пригожин И.* Перелом времени // Вопросы философии. 1989. № 8.
- Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
- Удальцова З.В.* Основные причины падения Византии и последствия турецкого завоевания // История Византии в 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1967.
- Финн В.К.* Неаристотелевское строение процедурных понятий // Логические исследования. М., 2015. № 1(21).
- Хайдеггер М.* Очерки философии. О событии // Вопросы философии. 2006. № 11.
- Хвостова К.В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. М.: Алетеия, 2008.
- Хвостова К.В.* Методология истории и ее связи с конкретно-историческими исследованиями // Вопросы философии. 2016. № 7.
- Boudon R.* L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968.
- Nicephori Gregorae.* Byzantina historia. Bonnae, 1835.
- Novak S.* Some problems of causal interpretation of statistical relationship // Philosophy of science. 1960. № 27.
- Philips D.Z.* Faith and Philosophical Enquiry. London, 1970.

REFERENCES

- Barg M.A.* Epokhi i idei. M., 1987.
- Born M.* Fizika moego pokoleniya. M., 1963.
- Boudon R.* L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968.
- D'yakov A.V.* Postmodernistskaya istoria filosofii: pro et contra // Voprosy filosofii. 2016. No. 6.
- Finn V.K.* Nearistotelevskoe stroenie protsedurnyh ponyatij // Logicheskie issledovaniya. M., 2015. No 1 (21).
- Gobozov I.A.* Istoricheskaya nauka i rekonstruktsiya istoricheskogo proshlogo // Problemy istoricheskogo poznaniya. M., 2015.
- Heidegger M.* Ocherki filosofii. O sobytii // Voprosy filosofii. 2006. No. 11.
- Kelle V.Zh.* Kultura v sisteme tsivilizatsionnyh mehanizmov // Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy mira. M., 2000.

- Khostova K.V. Metodology istorii i ee svyaz' s konkretno-istoricheskimi issledovaniyami // Voprosy filosofii. 2016. No 7.
- Khostova K.V. Vizantijskaya tsivilizatsiya kak istoricheskaya paradigma. M.: Aletejya, 2008.
- Kir'yanov A.P., Radzikhovskaya V.K. Prichinnost' i sluchainost' alternativy v slozhnoy sisteme // Problemy istoricheskogo poznaniya. M., 2014.
- Mainzer K. Vyzovy slozhnosti v XXI veke. Mezhdistsiplinarnoe vvedenie // Voprosy filosofii. 2010. No 10.
- Mikeshina L.A. Epistemology opravdanie gipostazirovaniya i reifikatsii // Voprosy filosofii. 2010. No 12.
- Nekhamkin V.A. Sinergetika i sovremennoe istoricheskoe poznanie: vozmozhnosti i predely // Problemy istoricheskogo poznaniya. M., 2015.
- Nicephorè Gregorae. Byzantina historia. Bonnae, 1835.
- Novak S. Some problems of causal interpretation of statistical relationship // Philosophy of science. 1960. №27.
- Pelipenko A.A. K probleme mezhсистемных perekhodov v culture. M., 2000.
- Philips D.Z. Faith and Philosophical Enquiry. London, 1970.
- Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya. M.: Progress, 1983.
- Prigozhin I. Filosofiya nestabilnosti // Voprosy filosofii. 1991. No 6.
- Prigozhin I. Pereonkrytie vremeni // Voprosy filosofii. 1989. No 8.
- Udal'tsova Z.V. Osnovnye prichiny padeniya Vizantii i posledstviya turetskogo zavoevaniya // Istoria Vizantii. Vol. 3. M.: Nauka, 1967.

Хвостова Ксения Владимировна, доктор исторических наук главный научный сотрудник, руководитель Центра «Проблемы исторического познания» Института всеобщей истории РАН, hvks@mail.ru

Actual problems of contemporary epistemology and methodology of history

The article aims to study limits of the application of non-classical scientific paradigm in the historical science. Use of statistical methods and differential equations in historical studies demonstrates the role of non-classical paradigm in history. The author's attention is focused on the specific features of history due to the role of historical events. The attention is given to the specific meaning of induction in history.

Keywords: non-classical scientific paradigm, mathematical methods, individual events, individual causalities.

Kseniya Khvostova, Dr.Sc. (History), Chief Researcher, Head of the Center «Problems of Historical Knowledge», Institute of World History, RAS, hvks@mail.ru